

ДИАГНОЗ

ДАНИЭЛЬ ШРЕБЕР
ЗИГМУНД ФРЕЙД
ЭЙГЕН БЛЕЙЛЕР

ПАРАНОЙЯ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ
НЕВРОЗОВ

**Зигмунд Фрейд
Эйген Блейлер
Даниэль Пауль Шребер
Паранойя. Краткая
история неврозов
Серия «Диагноз»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65303271

Паранойя. Краткая история неврозов / Д.П. Шребер, З. Фрейд, Э.

Блейлер; Родина; Москва; 2021

ISBN 978-5-00180-151-1

Аннотация

Даниэль Пауль Шребер опубликовал «Мемуары нервнобольного» в 1903 году (в издательстве Освальда Мутце, Лейпциг). З.Фрейд обратил внимание на эти мемуары, и в 1911 году на 3-м Международном психоаналитическом конгрессе в Веймаре сделал доклад, посвященный уникальному опыту самоанализа. Эта работа послужила началом истории изучения неврозов и параноидных расстройств. В данном издании публикуются те самые мемуары нервнобольного, а также две культовые работы знаменитых психиатров, посвященные неврозам. Читателю предлагается составить свое собственное

мнение относительно этого вида психических расстройств. В данном издании публикуются те самые мемуары нервнобольного, а также две культовые работы знаменитых психиатров, посвященные неврозам. Читателю предлагается составить свое собственное мнение относительно этого вида психических расстройств.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Рождение болезни	5
От редактора	5
Мемуары нервнобольного	8
Психоаналитические заметки о паранойе	35
Психоаналитические заметки об	35
автобиографическом описании случая	
паранойи (dementia paranoides). Случай	
Шребера	
Введение	35
История болезни	38
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Даниэль Пауль Шребер, Зигмунд Фрейд, Эйген Блейлер Паранойя. Краткая история неврозов

**Рождение болезни
Даниель Шребер**

От редактора

Этот человек никогда не был пациентом Зигмунда Фрейда, но написанные Шребером «Мемуары больного, страдавшего нервной болезнью», появившиеся в издательстве Освальда Мутце, послужили Фрейду фундаментом для написания статьи «Психоаналитические заметки по поводу паранойи (Dementia paranoides), обнаруживающейся в автобиографии Шребера». Работа Фрейда появилась в 1911 году и была посвящена психоаналитическому исследованию паранойи, причем Фрейд особое внимание обращал на то,

что «психоаналитическое исследование паранойи вызывает у нас, врачей, не работающих в стационарных учреждениях, трудности особого рода. Нам не удастся взять таких больных на лечение, во всяком случае, оно будет не слишком продолжительным». Поэтому сведения, предоставляемые такого рода пациентами в письменном виде, являются очень ценным материалом, позволяющим подвергнуть бредовую систему больного аналитическому исследованию, получая в результате вывод о его заболевании.

Даниель Пауль Шребер родился в 1842 году. Отцом его был и известный немецкий врач и социальный педагог Даниель Готтлиб Мориц Шребер (1808–1861). Наибольшую известность Шреберу-отцу принесли созданные им игровые площадки для детей и сады для взрослых.

Шребер изучил юриспруденцию и начал свою трудовую карьеру в Саксонии. Первый психотический эпизод появился в его жизни в 42 года. Тогда все сочли, что это следствие сильного переутомления. Лечился Шребер в клинике Лейпцигского профессором Паулем Флексигом. Позднее этот профессор появится в бреде Шребера в качестве преследователя. В 1885 году Шребер вышел из больницы и годом позже получил место директора Земельного суда в Лейпциге, с этого поста Шребер ушел только в 1893 году, после того как его назначили президентом коллегии апелляционного суда в Дрезденском Верховном суде. Через несколько недель у него случился новый психотический припадок.

В больнице ему был поставлен диагноз *Dementia paranoides*.

Начиная с 1902-го года Шребер проживал вместе со своей семьей в Лейпциге. Спустя пять лет у него вновь начались припадки, из-за чего его пришлось направить в клинику, в которой он и провел остаток своих дней.

Новый всплеск интереса к Шреберу дали всплывшие факты о методах воспитания, практикующихся в его семье. Выяснилось, что его отец любил эксперименты в области педагогики. Он практиковал чрезвычайно строгое воспитание, в которое также включались пытки специальными аппаратами, фиксирующими положение тела ребенка с помощью ремней.

Шребер, будучи председателем коллегии Верховного королевского суда Дрездена, писал в предисловии к своим «Мемуарам», «что может оказаться ценным как для науки, так и для познания религиозной истины, если посредством изучения моего тела и моей личностной судьбы с профессиональной точки зрения еще при моей жизни будут сделаны какие-либо ученые выводы». Анализ «Мемуаров», который осуществил Зигмунд Фрейд, как раз и являются такой серьезной работой.

Мемуары нервнобольного

Так как я твердо решил в ближайшем будущем добиться выхода из больницы, чтобы опять начать жить среди здоровых и умных людей, пребывая в домашней атмосфере вместе со своей женой, то вынужден дать некоторые сведения о себе. Тем персонам, которые будут составлять мое окружение, по меньшей мере необходимо иметь хотя бы приблизительное представление о моих религиозных взглядах, чтобы они, хотя если и не полностью, смогли разобраться в некоторых кажущихся странностях моего поведения, по меньшей мере им нужно хотя бы догадываться о неизбежности, с которой мне были навязаны эти странности.

Примечание. Занимаясь все больше написанием этой книги, мне пришла в голову идея, что книга может представлять интерес для более широкого круга читателей. И, тем не менее, мне нужно сказать то, что я упустил сказать раньше, что ближайшим поводом к написанию книги было желание лучше познакомить жену с моими личными переживаниями и религиозными представлениями. Именно в них и можно будет найти объяснение тому, что в этой книге по самым разным поводам даются подробные объяснение хорошо всем известных научных фактов, онемечиваются иностранные слова и т. д., что вряд ли необходимо делать, когда пишешь работу для научно эрудированного читателя.

Моей цели хорошо послужит и то, что буду пытаться дать другим людям, по меньшей мере, хотя бы в некоторых местах разумное объяснение тех сверхчувственных вещей, познание которых приоткрылось для меня почти шесть лет назад. Я заранее не могу рассчитывать на полное понимание со стороны читателя, так как речь будет идти частично о таких вещах, которые вообще никаких аналогий на обычном человеческом языке не имеют, так как возможности человеческого понимания не распространяются на эту область. Да я и сам не могу с абсолютной уверенностью утверждать, что Все является для меня самого неопровержимым и убедительным; кое-что и сейчас остается для меня в сфере догадок и предположений. Ведь я тоже всего на всего человек, а потому мои познания тоже ограничены; только на этом и основывается моя уверенность в том, что я нахожусь бесконечно ближе к правде, чем все другие люди, для которых божественное откровение еще не превратилось хотя бы частично в истину.

Чтобы в какой-то степени быть более понятным, буду выражаться образами и метафорами, которые местами, возможно, будут только частично соответствовать действительности; так как сравнение с общеизвестными фактами и опытом из жизни людей является единственным путем, посредством которого человек может по меньшей степени до определенной степени поделиться с другими своими сверхчувственными познаниями, которые, тем не менее, всегда остаются непонятными в своей глубинной сущности. Где пере-

стает отказывать рассудочное познание, там начинается область веры; человек должен научиться привыкать к тому, что есть вещи, которые истинны по своей природе и в то же время, недоступны для его разумения.

Так, например понятие вечность само по себе наделено для человека чем-то непостижимым. Человек не способен себе представить, что может иметься какая-либо вещь, которая не имеет ни начала, ни конца, истоки которой не могут сводиться ни к чему иному, как к самой себе. И, тем не менее, вечность относится к неизменным атрибутам Бога, как я считаю и верю, и как делают все верующие люди. Человек никогда не перестанет задавать вопрос: «Если Бог создал мир, то каким же образом возник сам Бог?» На такой вопрос никогда не будет получен ответ. Что-то подобное и с понятием божественного творения. Человек только что и может себе представлять, что возникновение новой материи из уже существующей материи под воздействием преобразующей силы. А я верю – и даже надеюсь в последующем на отдельных примерах это доказать – , что божественное творение заключается в творении из ничего (из пустоты). Даже в изречениях нашей благовестной религии можно встретить кое-что, что никак нельзя полностью охватить человеческим разумом. Когда христианская церковь учит, что Иисус Христос есть Сын Божий, то это всегда нужно понимать только в наделенном тайной смысле, мало что имеющим со значением слов в обычном человеческом понимании. Ведь ни-

кто же не будет утверждать, что Бог превратился в существо, наделенное половыми органами человека, и имел контакт с женщиной, из чрева которой вышел Иисус Христос. – Схоже обстоит дело с триединством, с возрождением плоти и другими христианскими догмами. Этим я ни в коем случае не хочу сказать, что в качестве истинных я признаю все христианские догматы в смысле нашей ортодоксальной теологии. Скорее, наоборот, у меня есть все основания считать, что некоторые из них являются не истинными или если и истинными, то с большими ограничениями. Это, например, относится к возрождению плоти, догмат этот может притязать только на относительно и ограниченную временем (а не представлять конечную цель развития) истину, скажем в форме транспортировки душ. Относится это и к вечному проклятию, которому якобы будут преданы определенные люди. Представление о вечном проклятии – которым всегда будут пугать человека, несмотря ни на какие, на мой взгляд, основанные на софизмах учения, например, когда Лютхардт в своих апологетических докладах пытается превратить ужас в нечто приятное – отнюдь не соответствует истине, как и вообще (человеческое) понятие о наказаниях. Последнее является всего на всего одним из инструментов власти, служащим для достижения определенных целей внутри человеческого общества. Наказание, по меньшей мере, игнорирует представления о потустороннем мире. Об этом более подробно я буду говорить дальше.

С другой стороны, я могу дать более точное объяснение некоторым христианским догматам на основе того, что пережито мной самим, а именно, каким образом те же самые явления можно объяснить посредством чуда, произведенного Господом. Скажем, непорочное зачатие Иисуса Христа девственницей – то есть, женщиной, никогда не имевшей половых контактов с мужчиной – такое ведь испытал я и сам, в своем собственном теле. Два раза (а именно в то время, когда еще находился в больнице Флексига) я уже имел, хотя и не совсем до конца развитые женские гениталии. А внутри своего тела я ощущал тогда подпрыгивания и толчки, причем именно такие, которые соответствуют первым жизненным побуждениям человеческого эмбриона: посредством Чуда, сотворенного Богом, в мое чрево были заброшены нервы Бога, соответствующие мужскому семени; то есть, состоялось оплодотворение. Далее, мне удалось прийти к довольно ясному представлению о том, каким именно образом осуществилось воскрешение Иисуса Христа; в последнее время пребывания в флексигской больнице и в первое время моего пребывания вне ее стен я в сотнях случаях замечал, что посредством Чуда, сотворенного Богом, образы людей появляются на короткое время, чтобы потом опять раствориться в вечности, исчезнуть – говорившие внутри меня голоса называли это явление «мимолетно явившимися людьми». Среди них были и давно умершие люди, как, например доктор Рудольф Я., которого я видел в так называемой Пирсонской

больницы в Косвиге (Саксония), да и еще некоторые люди, которые, по-видимому, претерпели метаморфозу души, как, например старший прокурор Б., советники Верховного суда доктора Н. и В., тайный советник доктор В., адвокат В., мой тесть и другие. И все они ведут так называемую сновидческую жизнь, то есть не стараются произвести впечатление, удивляя своей способностью вести разумный разговор, хотя я и сам тогда еще не был склонен к беседам, и главным образом потому, что считал, что вокруг меня находятся не реальные люди, а только чудесно сделанные куклы. В результате подобного рода переживаний я склонен считать, что и Иисус Христос, который как истинный человек умер истинной смертью, впоследствии под воздействием сотворенного Богом чуда на короткое время заново появлялся в качестве «мимолетно явившегося человека». Делал он это для того, чтобы усилить веру своих приверженцев, готовя этим надежное место в душе людей для идеи бессмертия, а потом конечно он вынужден был подчиняться естественному растворению, которое неизбежно для «мимолетно явившихся людей», причем, само собой разумеется, что не исключается (об этом еще будет сказано ниже), что его нервы оделяли людей блаженством. А вот догмат о вознесении Христа на небеса, в полном соответствии с моими взглядами, я считаю за чистый вымысел, тот догмат, который повторно наделяет учеников Христовых после исчезновения в результате смерти присущим им прежде физическим телом.

Из-за противоречивости отношений человека к Богу, вначале я должен сделать несколько замечаний о природе Бога и человеческой души, которые пока могут быть выставлены только в качестве аксиом – не нуждающихся в доказательствах высказываниях – , попытка обосновать их, насколько это вообще возможно, будет сделана только в последующем ходе рассказа.

Человеческая душа находится в нервах тела, о физической природе нервов я как дилетант ничего, кроме того, что это структуры необычайной тонкости, сказать не могу – их можно сравнить только с тончайшими нитями волокна. Так вот на возбудимости нервов в результате внешних впечатлений покоится вся психическая жизнь человека. Нервы начинают колебаться и вибрировать, и непонятно каким образом производят в нас ощущения наслаждения и неудовольствия. У нервов есть способность к запоминанию воспринятых впечатлений (человеческая память), а также возможность, посредством напряжения волевой энергии побуждать мышцы тела, в которых они находятся, к любой деятельности. Нервы развиваются от нежнейших истоков (в качестве человеческого зародыша, в качестве детской души) до многослойной системы, охватывающей самые широкие области человеческого знания (душа зрелого человека). Часть нервов подходит только для приема чувственных впечатлений (зрительные, слуховые, осязательные нервы, нервы удовольствия и т. д.), которые таким образом оказываются

способными только на ощущения света, звука, тепла и холода, голода, удовлетворенности, боли и т. д.; другие нервы (нервы разума) воспринимают и сохраняют более сложные психические впечатления и дают волевым органам целостного организма человека стимулы для проявления своей силы в отношениях с внешним миром. При этом, похоже, обнаруживается следующая закономерность: каждый отдельный нерв разума репрезентирует всю психическую индивидуальность человека, на каждый отдельный нерв разума так сказать записана вся общность впечатлений (если эта гипотеза верна, то она тогда одновременно разрешает проблему наследственности и изменчивости, то есть, тот факт, что дети в определенных отношениях оказываются схожими со своими родителями и предками, а в других отношения – отличаются. Мужское семя содержит нерв отца и объединяется с одним нервом, взятым из тела матери, образуя новую единицу. Эта новая единица – будущий ребенок, заново приводит к появлению на свет отца и матери, а в зависимости от самочувствия будет доминировать то один, то другой родитель. Во время своей жизни ребенок и со своей стороны начинает принимать новые впечатления, а позже передает приобретенное им своеобразие указанным способом опять же своим потомкам. Представление о существовании особых нервов предопределенности, в том виде как они изображены в одноименной работе Преля, если мне не изменяет память, таким образом, лишается любых оснований.). Больше или

меньшее число имеющихся нервов разума влияет только на временные факторы, в то время, как воспоминания остаются сохранными независимо от количества этих нервов. Сколько долго бы не жил человек, он остается одновременно и телом, и душой; нервы (душа человека) питаются и поддерживаются в деятельном состоянии энергией тела, функции которого во многом остаются такими же, как и у животных. Если тело утрачивает свою жизненную силу, то для нервов наступает состояние бессознательности, которую мы называем смерть, и намеки на которую мы встречаем еще во сне. Но это отнюдь не говорит о том, что душа действительно угасла; поступающие впечатления чаще всего доходят до нервов; только душа как бы сказать пребывает в зимней спячке, как это делают более низкие виды животных. Душу можно пробудить к новой жизни способом, о котором я расскажу ниже.

И заранее Бог является только нервом, не телом, потому Бог чем-то родственен человеческой душе. Но нервы Бога отличаются от тех, что существуют в человеческом теле, причем в ограниченном количестве. Нервы Бога бесконечны и вечны. У них те же качества, которые мы встречаем в человеческих нервах, только у Бога эти качества безмерно превышают наши. Нервы Бога обладают способностью перемещаться в любую сколь-нибудь мыслимую вещь создаваемого Им мира. В такой своей функции нервы называются излучением (транспортиацией). Именно в таком свойстве и заложена сущность Божественных творений. Между Богом

и звездным небом существует тесная связь. Я не осмеливаюсь заявлять, что человек вообще может прямо сказать, что Бог и звездный мир это одно и то же, или что, всю общность нервов Бога нужно представлять как нечто располагающееся еще выше звезд, а потому сами звезды и особенно наше солнце являются только отдельными станциями, по которым проходит путь создающего чуда Бога к нашей земле (и некоторым другим населенным планетам).

Обо все этом догадывались наши писатели, писавшие: «Над шатром из ярких звезд есть жилище доброго Отца» и т. д.

Такая же большая неуверенность существует у меня и по поводу того, созданы ли Богом и физические тела (неподвижные звезды, планеты и т. д.) или же Божественные творения ограничиваются исключительно живым (органическим) миром. Потому наряду с непосредственно для меня ощущаемым существованием живого Бога, еще остается место и для гипотезы Канта-Лапласа о возникновении Вселенной из рассеянных частиц. Полная истина, вероятно, лежит (чем-то напоминая четвертое измерение) на диагонали обоих типов представлений (миры живого и неживого), которые разом пока человек не способен охватить. Но в любом случае энергия солнца, наделяющая нас светом и теплом, в результате чего она стала причиной любой органической жизни на Земле, является лишь одним из непосредственных проявлений жизни Бога. Потому и божественное чествование солн-

ца, которое мы встречаем у очень многих народов древности, хотя и не включает в себя всю истину, содержит не такое уж и далекое ее ядро.

Учения нашей астрономии по поводу движений, удаленности и физических качеств небесных тел и т. д. могут в принципе оказаться верными. Но нисколько не сомневаюсь, опираясь на мой внутренний опыт, что и наша астрономия еще не достигла полной истины в вопросе энергии звезд, излучающих свет и тепло; почему-то небесные тела продолжают представлять, опосредованно или непосредственно, только в качестве частей созидającego Чудо Бога, частей, непосредственно обращенных к Земле. В качестве доказательств моих взглядов предварительно приведу только те факты, в которых я не сомневаюсь, а это то, что солнце уже несколько лет говорит со мной на человеческом языке, позволяя посредством этого признать в нем живое существо или орган еще более высокого существа, стоящего за ним. Изменения погоды полностью связаны с Богом; это случается под воздействием большего или меньшего излучения тепла солнцем, так сказать само собой, но в особых случаях Бог может направлять энергию по определенным направлениям в соответствии со своими собственными планами. Я, например, получил достаточно надежные сведения о том, что жестокая зима 1870-71 годов была делом, затеянным Богом, чтобы чаша военных удач перешла на сторону немцев. Да и гордые слова, сказанные перед уничтожением испанской арма-

ды Филиппа II в 1588 году: Deus afflavit et dissipati sunt (Бог раздувает паруса, и они исчезнут) скорее всего, содержат в себе историческую правду. Но при этом солнце называют только инструментом проявления воли к власти Бога, инструментом, предназначенным, прежде всего для Земли. В действительности же погода зависит и от остальных небесных тел. Ветер или шторм возникают, прежде всего, потому, что Бог отдаляется от Земли на слишком большое расстояние. А среди сегодняшнего противоестественного мирового порядка предсказанию погоды мешает то, что погода в определенной степени зависит еще и от моих действий и мыслей. Как только я предаюсь бессмысленному препровождению времени, или, что-то же самое, прекращаю заниматься деятельностью, связанной с интеллектуальными занятиями, скажем, прекращаю играть в саду в шахматы, так тотчас появляется ветер. Тому, кто все-таки сомневается в этом, конечно же, очень странно звучащем утверждении, тому могу, чуть ли не ежедневно дать возможность убедиться в правильности сказанного мною. Это для меня сделать столь же легко, как и так называемое мычание, которое я не раз проделывал по отношению к разным персонам (тайному советнику моей жены, моей сестры и т. д.). Причина этого заключается в том, что Бог, как только я начинаю предаваться безделью, пытается отвернуться от меня, считая, что я сумасшедший.

В результате исходящего от солнца и остальные небесных тел света у Бога есть возможность воспринимать все, что

происходит на Земле (как и на некоторых других планетах), человек бы сказал здесь: видеть. Поэтому о солнце и свете звезд образно можно говорить как о глазе Бога. Бог радуется всему, что он видит, а видит он произведения своей творческой силы, подобно тому, как человек радуется сделанному своими руками или созданному своей интуицией. При этом все было так – до упоминаемого мною дальше кризиса – , что Бог, в общем-то, предоставил созданный им мир и находящихся там органических существ (растения, животные, люди) на произвол самим себе, заботясь только о снабжении их солнечным теплом, чтобы этот мир сохранялся, рождалось потомство и т. д. Как правило, непосредственного вмешательства Бога в судьбы отдельных людей и народов не бывает – такое состояние я называю идущим в строгом согласии с мировым порядком. Но и здесь то там, то тут бывают исключения. Но никогда это не случается, да и не может происходить слишком часто, так как связанное с этим приближение Бога к живущему человечеству для самого Бога связано с определенными опасностями – о причинах, которых мы поговорим позже. Так, например, особенная, страстная молитва могла бы дать Богу повод вмешаться в отдельную судьбу, помогая чудом (то, что Бог может устранить любой зародыш болезни в человеческом теле посредством нескольких чистых лучей, я сам пережил бесчисленное количество раз на самом себе, да и сейчас заново повседневно это переживаю) или счастье целого народа (в войне и т. д.) посред-

ством чуда направить в нужное русло. Бог способен войти в связь и с некоторыми высокоодаренными людьми (писателями и т. д.) (говорящие со мной голоса назвали этот процесс «вхождение в сообщничество с нервами другого»), чтобы оделить их какими-нибудь плодотворными мыслями и представлениями о потустороннем мире (и именно, в сновидении). Только такое «сообщничество с нервами» не может стать правилом, так как не до конца понятное качество нервов живых людей, и именно в состоянии чрезмерного возбуждения, производит на нервы Бога такое притягательное воздействие, что Бог не может от него избавиться, то есть, это угрожало бы существованию самого Бога.

(Дополнение, сделанное в ноябре 1902 г.) Представление об исходящем от отдельных человеческих тел или – в моем случае – от одного единственного тела человека притягательном воздействии, проявляющемся на столь чудовищно далеких расстояниях, должно само по себе казаться совершенно абсурдным, особенно если придерживаться традиционного, чисто механического подхода к известным нам силам природы. И, тем не менее, я ни сколечко не сомневаюсь в существовании такого притягательного воздействия. Возможно, Вы скорее согласитесь со мной, если вспомните, что излучение это является живым существом, потому и говоря о притягательном воздействии мы не имеем в виду чисто механическую силу. Скорее речь тут идет о чем-то, наделен-

ном психологическими побуждающими силами. «Притягательным» для лучей является то, что им интересно. Похоже, что взаимоотношения здесь напоминают те, о которых поет Гете в своем «Рыбаке»: «Наполовину – увлекла, наполовину – погубила».

Постоянное общение Бога с душами людей начинается только после их смерти, когда для них земной мир погиб. Бог может приближаться к трупам без всякой опасности. Делает он это для того, чтобы их нервы, в которых самосознание не угасло, а только пребывает в покое, посредством энергии лучей вытащить из тела и приблизить к себе, пробуждая этим нервы к новой небесной жизни. Под влиянием лучей возвращается самосознание. Новая потусторонняя жизнь называется блаженством, но до нее душа человека должна возвыситься. Конечно, это не может происходить без предшествующего очищения и наведения порядка в нервах людей. Процессы эти могут быть более или менее длительными в зависимости от качеств человеческих нервов, а, кроме того, необходимо еще прохождение определенных предварительных ступеней. Бог или – если Вы предпочитаете другие выражения – небеса нуждаются только в чистых человеческих нервах, так как новое предназначение людей – присоединиться к самому Богу, чтобы, в конце концов, в качестве «преддверия небес» (Выражение «преддверие небес» придумано не мной, а, как и все другие выражения, заключенные в этом сочинении в кавычки (например, приводившиеся вы-

ше «мимолетно являющиеся люди», «сновидческая жизнь» и т. д.), являются только названиями, которые каждый раз, говоря о соответствующем явлении, сообщали говорящие со мной голоса. Это выражения, к которым бы я сам никогда не пришел, я никогда не слышал их от людей, частично они носят научный, прежде всего медицинский характер, хотя не знаю, насколько распространены они в соответствующих науках о человеке. Я еще буду обращать к этому внимание, говоря дальше об отдельных, особо приметных случаях.) превратиться в определенную составную часть самого Бога. Нервы у нравственно падших людей черны; нравственно чистые люди имеют белые нервы; чем выше стоит человек в нравственном отношении в своей жизни, тем больше качества его нервов приближаются к совершенной белизне или чистоте, тем качествам, которые нервам Бога присущи изначально. У людей, стоящих очень низко в нравственном отношении, скорее всего окажется так, что большая часть нервов вообще не найдет себе применения; по подобным критериям будут определяться различные степени блаженства, до которых может подняться человек; а возможно так здесь еще будет определяться и время в течение которого самосознание будет сохраняться в потусторонней жизни. Вряд ли здесь можно будет полностью обойтись без предварительной прочистки нервов, так как трудно найти человека, который бы был полностью свободен от грехов, чьи нервы не были когда-нибудь загрязнены в его прошедшей земной жизни из-за

безнравственного поведения. Дать совершенно точное описание процедуры очистки для меня тоже невозможно. Об этом я постоянно получаю самую разную информацию. У меня сложилось впечатление, что метод очистки вызывают в душе чувство неудовольствия из-за производимой в ней работе (так относительно души Флексига как-то зашла речь о необходимости для него заняться исполнением «черной работы») или недовольство это связывалось с необходимостью нахождения под землей, в которой приходилось пребывать, чтобы пройти до конца процесс очищения.

Кто для всего этого захочет применить слово «наказание», будет в определенном смысле прав. Различие с понятием человеческого наказания будет состоять только в том, что целью здесь будет не причинение виноватому чего-то дурного, а лишь создание необходимых предпосылок для очищения. Так что становится понятным, что существующие традиционные представления в большинстве религий об аде, чистилище огнем и т. д. должны быть частично исправлены. Очищающиеся души должны будут в период очищения научиться языку, на котором говорит сам Бог, так называемому «основному языку», несколько старомодному, но всегда мощному родному, немецкому языку, который столь богат на эвфемизмы (например, награда вместо наказания, яд вместо пищи, сок вместо яда, нечистый вместо святой и т. д. Самого Бога называют «предупредительным к тем, кто есть и будет» – иное название вечности – , а обращаются к нему

«навечно преданный Вашему Высочеству».) Очищение является чем-то вроде «экзамена»; души, не прошедшие испытаний методом очищения, называют не «неиспытанными душами», как следовало бы ожидать, а совершенно наоборот, в полном соответствии со склонностью древнего немецкого языка к эвфемизмам – «испытанные души». Находящиеся пока в процессе очищения души называются по-разному: «сатана», «черт», «старший черт» и «земной черт»; последнее выражение, по-видимому, и является указанием на подземное пребывание. «Черти» и т. д., когда они появляются в виде мимолетно являющихся людей, имеют специфическую окраску (напоминая красную морковь) и своеобразный отвратительный запах, который я ощущал в огромном количестве случаев, находясь в так называемой Пирсонской больнице в Косвиге (не могу представлять ее иначе как чертову кухню). Я, например, узнал в господах фон В. и фон О., с которыми познакомился в Остзеебад Варнемюнде, чертей со специфическим красным лицом и красными руками, а в тайном советнике В. – старшего черта.

Об Иуде Искарите я узнал, что из-за совершенного им предательства Иисуса Христа он стал земным чертом. Но нельзя этих чертей, в соответствии с понятиями христианской религии, представлять себе как силы враждебные Богу, наоборот, эти черти почти всегда отличаются большой богобоязненностью, им осталось только завершить прохождение очищения. Приведенную мной выше идею, что Бог говорит

на немецком языке в форме так называемого «основного языка», естественно, нельзя понимать как то, что блаженство предназначено только для немцев. Хотя немцы в новое время (вероятно, начиная с эпохи реформации, а возможно и начиная с переселения народов) всегда были избранным народом Бога, на языке которых, прежде всего Он и говорил; если смотреть последовательно на историю в этом смысле, то вначале таким избранным народом Бога – как наиболее нравственным народом – были древние евреи, древние персы (причем, они-то в особенно большой степени оказались избранными, о чем смотри более подробно дальше), «греко-романцы» (возможно, во времена расцвета древних греческих и римских цивилизаций, а может быть и «франки» во времена крестовых походов) и под конец немцы. Для Бога в результате вхождения в сообщество с нервами людей легко понятными стали языки всех народов.

Именно таким способом все души, находящиеся со мной в процессе вхождения в сообщество, так как они обмениваются со мной мыслями, сейчас понимают меня, например, все знакомые мне языки, понимают греческий, когда я читаю греческую книгу и т. д.

Цели очищения нечистых человеческих душ, по-видимому, служит и метаморфоза души, которая осуществилась достаточно сильно, о чем мне говорят различные переживания. Соответствующие человеческие души тут призываются к новой человеческой жизни, воплощаясь в другое тело, возмож-

но под воздействием какого-либо смутного воспоминания о своем прошлом существовании, а внешне это проявляется путем нового рождения, как обычно это и бывает с людьми. Я не отваживаюсь выставлять об этом более смелые догадки, скажем о том, предназначена ли метаморфоза душ для очищения или же она служит для иных целей (заселению других планет?). Мне стало известно от говорящих мне голосов, а возможно и другими путями, несколько случаев, когда люди в следующей земной жизни получали намного более низкое положение, чем имели в прежней жизни. Возможно, здесь сказался определенный вид наказания.

Особенно замечательный случай произошел с господином фон В., чья душа какое-то время, как сейчас это делает душа Флексига, оказывала очень глубокое влияние на мои отношения к Богу, а потому и на мою личную судьбу. То, что здесь, как и раньше, я называю имена людей, которые находятся сейчас среди живущих и в то же время веду речь о метаморфозах, которые души этих людей переживают, на первый взгляд, естественно, кажется явным противоречием. В действительности же здесь перед нами загадка, которую и мне не удастся разрешить до конца. Скорее всего, ее вообще невозможно разрешить чисто человеческому рассудку. И, тем не менее, соответствующие факты в нескольких случаях, а именно в отношении душ В. и Флексига, являются для меня абсолютно достоверными, так как в течение многих лет я ощущал непосредственные воздействия этих душ на

свое тело. А то, что соответствует душе Флексига или части души Флексига, так это я еще и сейчас ощущаю ежедневно и ежечасно. Приблизительное объяснение закономерностей подобного рода я попытаюсь привести попозже, когда пове-ду речь о так называемых людских забавах. Предварительно будет вполне достаточно указания на возможность лечения души, что позволяет предположить, что определенные нервы разума еще живущего человека (которые сохраняют в соответствии с уже приведенными мной замечаниями полную идентичность сознания этого человека, хотя и длится это возможно лишь в течение короткого времени) могут играть какую-либо иную роль для его тела.

Воплотившийся в господина фон В. занимал в то время, когда я был в Пирсонской больнице («чертовой кухне»), место старшего надзирателя этого учреждения. По моим тогдашним представлениям, – которые я еще и сегодня не могу опровергнуть – это был не реальный человек, а «мимолетно являющийся человек», то есть посредством чуда, сотворенного Богом, душа, временно превращенная в образ человека. За прошедшее время фон В. на пути метаморфозы души должен уже начать вести свою вторую жизнь в каком-нибудь другом теле.

Полностью очищенные души под воздействием процесса очищения поднимаются в небеса, получая там вечное блаженство. Блаженство это заключается в ни на минуту не прекращающемся наслаждении, и все это в присутствии Бога.

Для людей представление о вечном ничегонеделании является чем-то невыносимым, так как человек уже настолько привык к работе, что как говорит пословица, только работа и делает жизнь сладкой. Только не стоит забывать, что душа это не совсем то, что человек, а потому будет недостаточным сказать, что измерять человека стоит по его ощущениям. Рихард Вагнер, как бы догадываясь о таких закономерностях, заставляет своего Тангейзера, испытывающего наибольшие наслаждения любви, сказать: «Ах, я так и остался смертным и для меня слишком велика твоя любовь; если только Бог может наслаждаться любовью бесконечно, то я согласен на любые метаморфозы». Да и вообще у наших писателей по самым разным поводам можно найти пророческие догадки, которые еще больше убеждают меня в том, что божественные послания путем вхождения в сообщество (в состоянии сна) стали частью их души. Для души как раз непрерывные роскошь и наслаждение, как и воспоминания о своем человеческом прошлом, являются наивысшим счастьем. При этом души способны обмениваться друг с другом своими воспоминаниями и посредством божественной (так сказать, специально для этого предназначенной) транспорти в форме лучей следить за жизнью тех, еще живущих на Земле людей, которыми они интересуются, своими родственниками, друзьями и т. д. А после смерти близких людей души, скорее всего, смогут помогать им возвыситься до состояния блаженства. Совершенно неверно представление,

что, например, счастье души, будет поколеблено из-за того, что она увидит своих родственников, живущих на Земле в несчастливых условия. На самом же деле души, хотя и обладают способностью сохранять воспоминания о своей прошлой человеческой жизни, это не относится к новым впечатлениям, воспринимаемым их душой, во всяком случае, это невозможно на какое-либо длительное время. Это естественная забывчивость души, которая все новые, неприятные впечатления мгновенно устраняет. Внутри блаженства существуют градации в зависимости от силы, которой добились нервы в прежней человеческой жизни, а возможно еще и от количества нервов, которые необходимы для принятия в небеса.

Мужское блаженство считается более высоким, чем женское блаженство, последнее, по-видимому, заключается, прежде всего, в непрерывном ощущении наслаждения. Далее, существуют души, например, души Гете, Бисмарка и т. д., которые могут в течение столетий сохранять свое самосознание (идентичность сознания), в то время как душа рано умершего ребенка, возможно, будет жить только столько лет, сколько она прожила человеческой жизнью. Вечная жизнь сознания, которым был тот или иной человек, не отпущена ни одной человеческой душе. Скорее всего, конечное предназначение всех душ – это слияние с другими душами, чтобы объединиться в высшее единство, чувствуя себя при этом составной частью Бога («преддверием небес»). Это,

следовательно, не означает реальной гибели конкретной души – а потому душе и предназначена, вечная жизнь – , просто душа окажется живущей в другом сознании. Только ограниченный способ рассмотрения действительного положения вещей сможет усматривать в этом несовершенство блаженства по сравнению с личным бессмертием в смысле например христианских религиозных представлений. Но какой же еще интерес должна иметь душа, чтобы еще раз вспомнить свое имя, которое у нее было, когда она жила среди людей, и свои тогдашние отношения с близкими, если только не то, что ее дети и дети детей скоро приобретут вечный покой, как и многочисленные другие поколения, предназначенные к земной смерти, а возможно к этому придет и вся нация, вычеркивающая себя из рядов живущих народов, нация, считать которую родной привыкла душа. Вот таким способом – еще пребывая в флексигской больнице – я и познакомился с транспортией, которая оказалась транспортией структур блаженных человеческих душ, достигших высшего единства – это было и в Древнем иудаизме («транспортиция Иеговы»), в Древней Персии («транспортиция Зороастры») и в Древней Германии («транспортиция Тора и Одина»). Среди них я не нашел ни одной души, которая бы помнила, какое имя было у нее тысячи лет назад, когда она жила земной жизнью того или другого народа.

Только что приведенное изложение относительно «преддверья небес» одновременно позволяет учитывать вечное

возвращение вещей и явлений, лежащее в основе мирового порядка. Создавая что-нибудь, Бог в определенном смысле экстериоризует часть самого себя или наделяет часть своих нервов новым образом. Возникающая в результате этого кажущаяся потеря вновь возмещается, когда спустя столетия и тысячелетия, ставшие блаженными нервы умерших людей, которым во время их земной жизни созданные Богом вещи служили для сохранения физической жизни, возвращаются ему в качестве «преддверия небес».

Над «преддверием небес» и парит Бог, которому в отличие от этого «переднего божьего царства» предназначено «заднее Божье царство». Заднее Божье царство было вынуждено разделиться на две своеобразных части: нижнего Бога (Аримана) и верхнего Бога (Ормузда). Я ничего не могу сказать определенного о значении такого разделения (далее читатель встретит заметки о «кастрировании», которые немного пояснят мои мысли) как только то, что низший Бог (Ариман) по-видимому, предпочитает народы, которые первоначально отличались явным преобладанием брюнетов (семиты), а верхний Бог – отличался особым предпочтением блондинов (арийские народы). Интересно, что догадки о таком разделении встречаются в религиозных представлениях многих народов. Бальдер германцев, Белобог (белый Бог) или Свентовит славян, Посейдон греков и Нептун римлян идентичны с Ормуздом и Воданом (Одином) германцев, Чернобогом (черный Бог) славян, Зевс греков и Юпитер

римлян – с Ариманом. Низшие и высшие Боги под именами Аримана и Ормузда были названы мне говорившими со мной голосами вначале июля 1894 года (примерно в конце первой недели моего пребывания в здешнем учреждении). С тех пор эти имена я слышу повседневно. То, что для низшего и высшего Богов я хочу сохранить названия соответствующих персидских божеств, связано главным образом с тем, что древние персы (естественно, до последующего упадка их цивилизации) в совершенно особом смысле являются «избранным народом Бога», говоря другими словами, это – народ, наделенный особенно большой нравственностью. Эта гипотеза подтверждается и необычайной мощью транспортиции, которую я воспринимал в случае «транспортиции Зороастры». Имя Ариман впрочем, встречается и в «Манфреде» лорда Байрона, когда говорится о самоубийстве. Этот временной пункт совпадает с ослаблением переднего Божьего царства, с которым до того я находился в связи (примерно с середины марта 1894 года).

Представленная мной картина о природе Бога и жизни человеческой души после смерти в некоторых отношениях серьезно отличается от христианских религиозных представлений на эту тему. И, тем не менее, сравнение как мне кажется, может идти только на пользу. Это никак не связано с всеведением и вездесущностью Бога в том смысле, что Бог постоянно смотрит внутрь души каждого живущего человека, воспринимая любое чувственное побуждение его нервов, то

есть, в каждый данный временной пункт «испытывает сердце и думы». Только этого будет явно недостаточно, так как после смерти нервы людей вместе со всеми имеющимися в них впечатлениями, которые они накопили за время своей жизни, открыто лежат перед глазами Бога; Бог с успехом, абсолютно без ошибок может сделать вывод об их достоинстве к принятию в царство небес. А в остальном будет вполне достаточно способности, как только на то будет повод, путем вхождения в сообщество увидеть то, что творится в душе конкретного человека. С другой стороны в набросанной мной картине полностью отсутствуют черты строгости или нецелесообразной жестокости, которыми наделены некоторые представления христианской религии и еще в большей степени представления других религий. Весь мировой порядок в соответствии с этим представляет из себя «чудесную конструкцию» (и опять же это выражение изобретено не мной. Сам бы я – естественно на далее упоминаемом языке мыслей и нервов – говорил о чудесной организации, но как только я подумал об этом, извне мне было дано выражение «чудесная конструкция»), и против ее величия все другие представления, которые создали люди и народы за время их отношений к Богу, на мой взгляд, мало что значат.

Психоаналитические заметки о паранойе Зигмунд Фрейд

Психоаналитические заметки об автобиографическом описании случая паранойи (*dementia paranoides*). Случай Шребера

Введение

Аналитическое изучение паранойи связано с особыми рода трудностями для врачей, которые, как я сам, не занимают должности в каком-либо медицинском учреждении. Мы не можем принимать на лечение пациентов, страдающих от этого недуга, или, во всяком случае, не можем содержать их в течение долгого времени, если не предвидится успешное завершение терапии. Поэтому, лишь в исключительных ситуациях, мне предоставлялась возможность составить нечто более глубокое, чем поверхностное представление о струк-

туре паранойи – когда, например диагноз (постановка которого тоже нередко проблематична) достаточно не определен, чтобы оправдать попытки влиять на пациента, или когда, несмотря на точный диагноз, я уступаю мольбам родственников пациента и берусь лечить его в течение некоторого времени. Кроме того, я, разумеется, часто сталкиваюсь со случаями паранойи и *dementia praecox* и изучаю их с не меньшим тщанием, чем то, с каким другие психиатры изучают истории своих пациентов; однако всего этого как правило недостаточно для того, чтобы прийти к каким-либо аналитическим выводам.

Психоаналитическое изучение паранойи было бы совершенно невозможно, если бы сами пациенты не обладали странной склонностью выдавать (бесспорно, лишь в искаженной форме) как раз то, что остальные невротики держат в секрете. Так как страдающих паранойей невозможно заставить превозмочь их внутреннее сопротивление, и, так как в любом случае они говорят лишь то, что им хочется сказать, паранойя является как раз тем видом расстройства, при котором письменное описание или опубликованная история болезни могут заменить личное общение с пациентом. Поэтому я считаю правомерной попытку строить аналитическую интерпретацию на материале истории болезни пациента, страдающего паранойей (или, точнее, расстройством *dementia paranoides*), с которым я лично не знаком, но который описал историю собственного недуга и предложил ее

вниманию публики.

Я имею ввиду доктора юриспруденции Даниэля Пауля Шребера, некогда Сенатспрезидента в Дрездене, автора «Мемуаров душевнобольного», которые были опубликованы в 1903 году, и, если верить моим источникам, вызвали интерес многих психиатров. Возможно, доктор Шребер и ныне здоровствует и даже настолько разуверился в фантазийной системе, в которую он верил в 1903 году, что эта интерпретация его книги может причинить ему боль¹.

Тем не менее, так как он все еще сохраняет свойственные ему прежде черты, я могу положиться на те доводы, которыми он сам, «человек высоких умственных способностей и равно наделенный необыкновенными остротой ума и наблюдательностью⁵», отклонил попытки помешать ему опубликовать мемуары: «Я позволял себе», пишет он, «закрывать глаза на сложности, которые непременно возникнут на пути к публикации и, в особенности, на сложности, связанные с соблюдением надлежащей деликатности по отношению к чувствам некоторых ныне здравствующих лиц. Но с другой стороны, я придерживаюсь того мнения, что было бы в равной степени в интересах науки и соблюдения религиозных норм, если бы еще при моей жизни специалисты получили возможность обследовать мое тело и расспросить о некоторых личных подробностях. Перед этими соображениями все чувства личного характера должны отступить». В другом абзаце он заявляет, что решил не изменить намерению напеча-

тать книгу, даже если это грозит ему иском от его врача, тайного советника доктора Флехсига из Лейпцига². Таким образом, доктор Флехсиг выступал для него тогда в той же роли, в какой он сам теперь выступает для меня. «Надеюсь», говорит он, «что даже если у профессора Флехсига могут возникнуть какие-то личные обиды, они будут перевешены научным интересом к моим мемуарам.»

Хотя все пассажи из мемуаров, на которых базируется моя интерпретация, будут приведены дословно на нижеследующих страницах, смею просить моих читателей самостоятельно ознакомиться с этой книгой, прочитав ее, по крайней мере, раз перед прочтением моей интерпретации.

История болезни

«Я дважды пережил нервное расстройство,» пишет д-р Шребер, «и каждый раз оно было результатом умственного перенапряжения». В первый раз это произошло из-за того, что я баллотировался кандидатом на выборах в Рейхстаг, будучи ландсгерихтдиректором в Шемнице, а во второй раз из-за чрезмерной нагрузки, легшей на мои плечи, когда я выступил в роли сенатора президента в Оберландсгерихт Дрездена.»

Первая болезнь доктора Шребера началась осенью 1884 г., и к концу 1885 г. он полностью выздоровел³. В этот период он провел шесть месяцев в клинике Флехсига, и тот

в официальном отчете, составленном некоторое время спустя, описал данное расстройство как приступ острой ипохондрии. Д-р Шребер уверяет нас, что в ходе болезни не было никаких «инцидентов, граничащих со сферой сверхъестественного».

Ни сам пациент, ни отчеты врачей, которые приведены в конце его книги⁴, не дают нам достаточной информации о его предыдущей биографии и личностных особенностях. Я даже не могу установить точный возраст пациента в момент его болезни, хотя высокий судейский пост, полученный им перед вторым заболеванием, устанавливает определенную нижнюю границу. Мы знаем, что д-р Шребер был женат задолго до приступа «ипохондрии». «Благодарность моей жены» пишет он, «была, возможно, даже более искренней, т. к. она боготворила профессора Флехсига как человека, который вернул ей мужа, и поэтому его фотография годами стояла на ее письменном столе». И здесь же: «Выздоровев после первой болезни, я провел восемь лет со своей женой — годы, в целом, исполненные огромного счастья, богатые официальными почестями, и лишь время от времени омраченные неудачами наших попыток завести детей».

В июне 1893 г. его уведомили о грядущем назначении на пост президента сената, и 1 октября того же года он вступил в должность. Между этими двумя событиями ему случилось видеть сны, важность которых он начал понимать лишь много позже. Два или три раза ему снилось, что его прежнее

нервное расстройство вернулось, и это открытие во сне угнетало его столь же глубоко, сколь радовало после пробуждения сознание, что это был всего лишь сон. Однажды, очень рано утром, находясь на грани между сном и явью, он поймал себя на мысли, что, «должно быть, очень приятно быть женщиной, отдающейся в акте копуляции». Это была одна из тех мыслей, которые бы он с величайшим негодованием отверг, находясь в полном сознании.

Вторая болезнь началась в конце октября 1893 г. мучительным приступом бессонницы. Это заставило его вернуться в клинику Флехсига, где, однако же, его состояние резко ухудшилось. Дальнейший ход болезни описан в отчете, который в то время составлял (в 1899) директор Зонненштайнской лечебницы: «В начале его пребывания там он вновь выражал ипохондрические идеи, жаловался, что у него размягчение мозга, что он скоро умрет и т. д. Но мысли о преследовании уже тогда стали встречаться в его клинической картине, базируясь на сенсорных иллюзиях, которые, однако, вначале появлялись лишь спорадически; в то же время можно было наблюдать высокую степень гиперэстезии – большую чувствительность к свету и шуму. Позднее зрительные и слуховые иллюзии становились более частыми, и, в сочетании с дисморфоманическими расстройствами, стали доминировать над всеми его мыслями и чувствами. Он считал, что уже умер и разлагается, что у него чума; он утверждал, что с его телом происходят всевозможные отвратительные про-

цессы; как он утверждает и по сей день, он прошел через самые чудовищные ужасы, которые только можно вообразить – и все во имя святой цели. Пациент был настолько погружен в эти патологические переживания, что оказывался недоступен для каких-либо других впечатлений, и он часами мог сидеть абсолютно прямо и неподвижно (галлюцинаторный ступор). С другой стороны, все это мучило его настолько, что он жаждал смерти. Он несколько раз пытался утопиться в ванне, и просил дать ему «предназначенный для него цианид». Его бредовые мысли постепенно приобрели мистико-религиозный характер; он напрямую общался с Богом, был игрушкой дьяволов, видел «чудесные явления» и слышал «священную музыку», и в конце концов даже поверил, что живет в мире ином».

Можно добавить, что было несколько человек, которые, по его мнению, преследовали его и причиняли ему боль, и которых он отчаянно проклинал. Главный преследователь был его предыдущий врач, Флехсиг, которого он называл «убийцей душ»; он часто снова и снова кричал: «*Маленький Флехсиг!*», делая сильное ударение на первом слове. Его перевели из Лейпцига и спустя некоторое время, проведенное в другой клинике, он прибыл, в июне 1894 г. в Зонненштайнскую лечебницу, близ Пирны, где и оставался, пока его болезнь не приобрела свою заключительную форму. В ходе нескольких лет его клиническая картина изменилась, причем характер изменения лучше всего описал доктор Вебер,

директор лечебницы: (см. в его отчете от июля, 1899)

«Мне нет необходимости далее вникать в детали развития болезни. Я должен, однако, обратить внимание читателя на то, каким образом, с ходом времени, изначально достаточно острый психоз, непосредственно охвативший всю мыслительную деятельность пациента и заслуживающий отнесения к «галлюциногенным помешательствам», постепенно переходил (можно сказать выкристаллизовывался) во все более и более ясную клиническую картину паранойи, которую можно наблюдать и сегодня.» (385) Факты свидетельствовали, что, с одной стороны, у него выработалась сложная иллюзорная структура, интересоваться которой у нас есть веские причины, в то время как, с другой стороны, его личность была воссоздана, и теперь казалось, что за исключением отдельных случаев расстройств, он способен соответствовать требованиям повседневной жизни.

Д-р Вебер в отчете от 1899 г. отмечает следующее: «В последнее время складывается ощущение, что, исключая некоторые очевидные психомоторные симптомы, которые даже при поверхностном наблюдении не могут не показаться патологическими, господин сенатспрезидент д-р Шребер не кажется неуверенным или физически неблагополучным; равным образом нельзя заметить никакого ослабления умственных способностей. Его разум воссоздан, память прекрасна, в его распоряжении внушительный запас знаний (не только в отношении вопросов юриспруденции, но и во мно-

гих других областях), которые он способен воспроизводить в виде цепочки связных мыслей. Он с интересом следит за событиями в мире политики, науки, искусства и т. д., и постоянно занят размышлениями на эти темы... так что наблюдатель, не имеющий особой заинтересованности в общем состоянии пациента, едва ли заметит что-либо необычное в этих его проявлениях. Однако, несмотря на все это пациент полон идей патологического происхождения, которые сформировались в законченную систему; они более или менее неподвижны, и, по-видимому, недостижимы для коррекции путем какого-либо объективного убеждения или рассуждений об окружающей действительности.

Тем не менее, состояние пациента претерпело огромное изменение, и теперь он считал, что способен вести самостоятельный образ жизни. Соответственно, он предпринял необходимые меры, стремясь вновь обрести контроль над собственными делами и добиться выписки из лечебницы. Д-р Вебер старался помешать реализации этих намерений и писал доклады опровержительного характера. Тем не менее, в своем отчете от 1900 г. он вынужден был дать следующую благоприятную оценку характера и поведения пациента: «Так как в течение последних девяти месяцев господин сенатспрезидент Шребер ежедневно делил трапезу с моей семьей, у меня была неограниченная возможность беседовать с ним на какие угодно темы. Каков бы ни был предмет дискуссии (кроме, разумеется, его собственных фантазийных

идей), не важно, касался ли он новостей в сферах юриспруденции и закона, политики, искусства, литературы или общественной жизни, — короче говоря, независимо от темы, доктор Шребер проявлял при ее обсуждении живой интерес, хорошую осведомленность, превосходную память и здравость суждений; его пониманием вопросов этики было, более того, невозможно не восхищаться. Так, во время более легких бесед в компании дам, он был равно любезен и учтив, а его юмор неизменно отличался сдержанностью и знанием приличий. Ни разу за время этих невинных бесед за обеденным столом он не заговорил о вещах, которые обсуждаются на медицинских консультациях». В самом деле, в том, как он подошел к решению возникшего как-то в тот период делового вопроса, затрагивавшего интересы всей его семьи, проявились и его профессиональная компетентность, и здравый смысл.

Во время своих многочисленных обращений в суд, с помощью которых доктор Шребер пытался вернуть себе свободу, он даже ни разу не отрекался от своих фантастических идей и не пытался держать в секрете намерение опубликовать «Мемуары». Напротив, он пространно рассуждал о ценности этих идей для религиозной мысли в целом и об их неуязвимости для нападок современной науки; но в то же время он постоянно подчеркивал «абсолютную безвредность» всех действий, на которые, как он знал, его иллюзии провоцировали его. В итоге, благодаря остроте его ума и

неуязвимости его логики, и несмотря на то, что он был признанным параноиком, его старания увенчались успехом. В июле 1902 г. доктор Шребер был восстановлен в своих гражданских правах, а в следующем году его «Мемуары» вышли в свет, хотя и сильно отредактированные.

Записи суда, вернувшего свободу Шреберу, характеризуют суть его фантазийной системы в нескольких предложениях: «Он убежден, что ему дана миссия искупить мир и вернуть ему утраченное состояние блаженства. Осуществить это, однако, он сможет только в том случае, если его предварительно превратить из мужчины в женщину».

Для более детальной информации о его иллюзиях в их окончательной форме нам следует обратиться к Отчету доктора Вебера от 1899 года: «Кульминационной точкой в развитии фантазийной системы пациента является его убеждение, что его миссия – искупить мир и вернуть человечеству его утраченное состояние блаженства. Эта миссия была ему поручена, по его утверждению, прямым божественным вдохновением, так же, как по нашим представлениям, их получали пророки; так как нервная система, находящаяся в состоянии сильного возбуждения, как это было долгое время с доктором Шребером, как раз склонна испытывать тяготение к божественному – хотя здесь мы затрагиваем вопросы, которые человеческая речь если и может выразить, то с большим трудом, так они полностью лежат вне сферы человеческого опыта, – и на самом деле, понятны только ему. Важная осо-

бенность его миссии искупления состоит в том, что ей должна предшествовать его трансформация в женщину. Не следует предполагать, что он хочет быть превращен в женщину, скорее, он должен претерпеть это превращение ради мирового порядка и избежать этого невозможно, несмотря на его личное желание оставаться в своем почетном и мужском жизненном статусе. Но ни он, ни один другой представитель рода человеческого не может вернуть себе высшую жизнь без осуществления его трансформации в женщину путем божественных чудес (процесс, который займет много лет, а то и десятилетий). Сам он, по его убеждению, является единственным существом, над которым свершаются божественные чудеса, и он, таким образом, является самым замечательным из всех когда-либо живших на свете людей. В течение нескольких лет он ежечасно и ежеминутно ощущал, как эти чудеса вершатся в его теле, и голоса, ведущие с ним беседы, подтвердили ему божественную природу этих чудес. Во время первых лет его болезни некоторые из его органов испытали такие разрушающие воздействия, которые неминуемо оказались бы смертельными для любого другого человека: долгое время он жил без желудка, без кишечника, практически без легких, с изорванным пищеводом, без мочевого пузыря, с раскрошенными ребрами, с едой иногда глотал собственную глотку, и т. д. Но божественное вмешательство («лучи») всегда восстанавливало то, что оказывалось уничтоженным, и, поэтому, пока он остается человеком, он аб-

солютно бессмертен. Эти волнующие события прекратились уже многие годы назад, а вместо них на первый план выдвинулась его «женская суть». Речь идет о процессе, для полного завершения которого, вероятно, потребуются десятилетия, если не века, и вряд ли кто-либо из современников доживет до окончания этого превращения. У него есть чувство, что огромное количество «женских нервов» уже перешли в его тело, и из них произойдет новая раса людей, через прямое божественное оплодотворение. Лишь тогда, по-видимому, он сможет умереть естественной смертью и вместе с остальным человечеством вернет себе состояние блаженства. В это время не только солнце, но также деревья и птицы, которые являются «чудесными трансформациями бывших человеческих душ», будут говорить с ним по-человечьи, и повсюду вокруг него будут совершаться чудеса».

Интерес, испытываемый психиатром-практиком к подобным фантазийным формациям, как правило сходит на нет, как только врач составляет представление о характере этих иллюзорных продуктов и оценивает их возможное влияние на общее поведение пациента: в его случае удивление не становится началом понимания. Психоаналитик, в свете того, что он знает о психоневрозах, подходит к объекту с подозрением, что даже такие необыкновенные и далекие от нашего обычного способа мыслить построения разума, как эти, являются, тем не менее, продуктами самых обычных и понятных импульсов человеческого сознания; и он желал бы

понять в чем мотивы такой трансформации, а также каким способом она произошла. С этой целью, он постарается более детально исследовать фантазийную систему, а также историю ее формирования.

(а) Медицинский служащий подчеркивает как особо важные следующие два положения: принятие пациентом роли искупителя и его трансформацию в женщину. Иллюзия искупителя – фантазия, знакомая нам благодаря частоте, с которой она становится ядром религиозной паранойи. Дополнительная особенность, состоящая в том, что всеобщее искупление зависит от превращения мужчины в женщину, необычна и сама по себе удивительна, т. к. показывает значительное отступление от исторического мифа, который фантазия пациента пытается воспроизвести. Вполне естественно потому вслед за официальным медицинским отчетом предположить, что движущей силой для возникновения этого фантазийного комплекса являлось желание пациента играть роль Искупителя, и что его кастрацию следует рассматривать исключительно как способ для достижения этой цели. Хотя финальная стадия заболевания на первый взгляд подтверждает этот вывод, тщательное изучение Мемуаров заставляет нас принять совершенно иную точку зрения. Ибо отсюда мы узнаем, что идея превращения в женщину (т. е. идея кастрации) была первичной иллюзией, что он начал с того, что связывал этот акт со страшными увечьями и преследованиями, и что лишь позже он начал ассоциировать это со

своей ролью Искупителя. Более того, нет сомнений, что изначально он мыслил трансформацию, как средство для осуществления сексуального насилия, а не для каких-либо высших целей. Можно сформулировать следующее предположение: сексуальная иллюзия преследования позже превратилась мозгу пациента в религиозную манию величия. В роли преследователя, изначально отводившейся профессору Флехсигу, его лечащему врачу, позднее стал выступать сам Господь Бог.

Я полностью приведу те строки из Мемуаров, на которых я основываю свои выводы: «Таким образом, был разработан заговор против меня (где-то в марте или апреле 1894 года). Цель его была в том, чтобы как только моя нервная болезнь будет признана неизлечимой или же ее можно будет выдать за таковую, передать меня некоторому лицу следующим способом: моя душа будет отдана ему, тогда как мое тело – из-за недоразумения в том, что я описывал выше как цель, на которой основывается Мировой Порядок – мое тело будет превращено в женское и в этом виде передано вышеупомянутому лицу для сексуального надругательства, а затем будет просто «оставлено по одну сторону» – что означает, без сомнения, оставлено разлагаться».

«Поэтому, было вполне естественно, что с точки зрения человека (а это и была та точка зрения, которой я тогда все еще в большинстве случаев руководствовался), я не мог не считать доктора Флехсига и его душу своим единственным

настоящим врагом – впоследствии появился еще некий фон В***, о котором я вскоре расскажу подробнее – и что я не мог не искать в Господе своего естественного союзника. Я просто представил, что у Него большие трудности с профессором Флехсигом, и соответственно начал чувствовать себя обязанным поддерживать Его всеми возможными способами, даже если потребуется принести себя в жертву. Лишь много позже я был вынужден осознать, что Сам Господь играл роль сообщника, если не подстрекателя, в заговоре, по которому моей душе предстояло быть умерщвленной, а тело должны были использовать как продажную девку. Должен признаться даже, что полностью я это осознал лишь при работе над этой книгой».

«Все попытки убить мою душу или кастрировать меня в целях противных Мировому Порядку (то есть для удовлетворения сексуальных appetитов человеческого индивида) или, позднее, попытки уничтожить мой рассудок— не привели ни к чему. Из этой, казалось бы, неравной схватки между слабым человеком и Самим Богом я вышел победителем – хоть и не избежав множества горьких страданий и лишений – победителем потому, что Мировой Порядок на моей стороне».

В сноске к словам «противных Мировому Порядку» вышеприведенного абзаца автор предвосхищает последующую трансформацию его иллюзии кастрации и его отношения к Богу: «Я покажу дальше, что такая кастрация, но в совсем

иных целях— в целях, созвучных Мировому Порядку, — вполне возможна и, что, на самом деле, именно она может разрешить весь конфликт».

Эти заявления имеют решающее значение в составлении правильной интерпретации кастрационной фантазии и всего расстройства в целом. Следует также прибавить, что «голоса», которые слышал пациент, неизменно расценивали трансформацию в женщину как половое унижение, дававшее им повод для постоянных издевок над ним. «Господни лучи нередко считали себя вправе насмехаться, звать меня «Мисс Шребер», намекая на кастрацию, которую, как было решено, мне вскоре предстояло пройти.» Они также говорили: «Так значит, *это* утверждает, что было президентом Сената, этот человек, который позволяет тр— ть себя!» или еще:» И тебе не стыдно перед твоей женой?»

Предположение, что фантазия о кастрации является первичной и изначально независимой от мотива Искупителя, кажется еще более убедительным, если вспомнить о той «мысли», на которой, как я упоминал выше, он поймал себя в состоянии полудрема, а именно, что, вероятно, вполне приятно быть женщиной, отдающейся в акте копуляции. Эта фантазия появилась во время инкубационного периода болезни и еще до того, как он подвергся переутомлению в Дрездене.

Сам Шребер утверждает, что ноябрь 1895 года стал периодом, когда впервые установилась связь между кастрацион-

ной фантазией и идеей об Исккупителе и когда он постепенно смирился с первой. «Теперь, однако,» пишет он «мне стало совершенно ясно, что Мировой Порядок неумолимо требует моей кастрации, независимо от того, хочу ли я этого или нет, и что мне не остается ничего более разумного, чем смириться с идеей превращения в женщину. Результатом моего превращения должно было стать, разумеется, оплодотворение меня божественными лучами, от чего сможет возникнуть новая раса людей.»

Идея о трансформации в женщину была главной чертой и наиболее ранним элементом фантазийной системы. Она также оказалась той единственной ее частью, что упорно не поддавалась лечению, и единственной, оставившей след в его поведении после выздоровления. «Единственное, что окружающим может показаться неразумным в моем поведении, это факт, уже упомянутый в отчете эксперта и заключающийся в том, что меня иногда застают стоящим перед зеркалом или просто так, по пояс обнаженным и в различных женских украшениях, как ленты, ожерелья из бижутерии и тому подобное. Могу лишь добавить, что такое случается только, когда я остаюсь один, и никогда — по крайней мере в тех случаях, когда я могу контролировать ситуацию — я не позволяю себе этого в чьем-либо присутствии». Господин президент сената сознается, что совершил такую фривольность в период (июль, 1901), когда он уже был в состоянии вполне убедительно доказывать свое полное выздоровление и при-

годность к повседневной жизни: «Я уже давно понял, что люди, окружающие меня, не «наскоро сделанные люди», а обыкновенные люди, и что я должен вести себя по отношению к ним как любой разумный человек ведет себя по отношению к своим ближним». В отличие от того, как он пытался реализовать свою кастрационную идею, он никогда не предпринимал иных шагов для убеждения окружающих в своей искупительной миссии, кроме публикации Мемуаров.

(б) Отношение нашего пациента к Богу настолько уникально и полно внутренних противоречий, что очень нелегко продолжать видеть в его «безумии» какой-то «логику». Тем не менее доктор Шребер рассказывает нам в своих Мемуарах, что нам сегодня следует попытаться пересмотреть наше понимание теолого-психологической системы и расширить наши понятия о нервах, состоянии блаженства, божественной иерархии, божественных атрибутах и их явной (фантазийной) связи. Каждый пункт его теории поражает смешением банальности и ума, заимствованного и оригинального.

Человеческая душа состоит из телесных нервов. Последние следует понимать как структуры удивительной тонкости, сравнимые с тончайшей нитью. Некоторые нервы приспособлены исключительно для восприятия улавливаемого органами чувств, тогда как другие (нервы понимания) выполняют различные мыслительные функции; и в этом отношении следует отметить, что каждый нерв понимания представляет весь индивидуальный склад ума человека, и что

присутствие большего или меньшего количества нервов понимания не влияет ни на что, кроме времени, в течении которого мозг способен сохранять свои впечатления.

Так как люди состоят из тела и нервов, Бог просто по своей природе состоит исключительно из нервов. Но нервы Бога, в отличие от человеческих, не ограничены в количестве, а бесчисленны и вечны. Они обладают всеми свойствами человеческих нервов, но в неизмеримо большей степени. Из-за их творческой способности, т. е. способности превращаться в любой объект сотворенного мира, их принято называть лучами. Существуют интимные отношения между Богом и звездным небом и солнцем.

Когда сотворение мира было окончено, Бог удалился на огромное расстояние (10–11 и 252) и, в общем-то, предоставил миру развиваться по своим собственным законам. Он ограничил свою деятельность, тем, что привлекал к себе души умерших. Лишь в исключительных случаях он вступал в особые отношения с выдающимися, высоко одаренными людьми²⁵, или же вмешивался в судьбы мира посредством чудес. По законам Мирового Порядка, Бог не имеет постоянного общения с человеческими душами, пока их хозяева живы.²⁶ Когда человек умирает, его духовная часть (т. е. нервы) подвергаются процессу очищения, прежде чем они наконец вновь соединяются с Богом в «преддверии неба». Таким образом, осуществляется мировой круговорот, лежащий в основе Мирового Порядка. Сотворив нечто, Бог утра-

чивает часть Себя, или, иначе говоря, придает части своих нервов другую форму. Эта понесенная Им, на первый взгляд, потеря, восполняется, когда через сотни или тысячи лет нервы умерших, достигших состояния блаженства, вновь накапливаются у него в виде «преддверий Неба».

Души, прошедшие процесс очищения, могут вкусить блаженство. Тем временем они частично утрачивают свое индивидуальное самосознание и становятся вместе с другими душами частью некоего высшего единства. Души великих людей, таких как Гете, Бисмарк и так далее, могут сохранять свое индивидуальное сознание на протяжении столетий, до тех пор, пока они не растворяются в высших образованиях душ, тех, что называли «Лучами Иеговы» в древней Иудее, или «Лучами Заратустры» в древней Персии. В ходе их очищения «души обучаются языку, на котором говорит Сам Господь, так называемому «основному языку», которым является выразительный, хотя и несколько устаревший немецкий язык, для которого особенно характерно изобилие эвфемизмов.»

Сам Бог является непростой сущностью. «Над «преддвериями Неба» парил Сам Господь, который, в отличие от этих передних божьих царств также описывается как «задние царства божьи». Задние царства божьи были и являются до сих пор странным образом поделенными на нижнего Бога (Ахримана), отличного от верхнего Бога (Ормузда). В отношении значения этого разделения Шребер говорит лишь,

что нижний Бог более тесно связан с людьми темной расы (Семитами), а верхний Бог— со светлой расой (Арийцами); да и вряд ли можно требовать более глубоких познаний в столь возвышенных вопросах от человеческого разума. Тем не менее, в другом месте говорится, что «несмотря на то, что в некоторых отношениях Всемогущий Господь един, нижнего и верхнего Бога все же следует рассматривать как две отдельные Сущности, каждая из которых наделена своим особым эгоизмом и своим особенным инстинктом самосохранения, *даже по отношению друг к другу*, и каждая из которых вследствие этого постоянно пытается превзойти другую.»(140) Более того, две божественные Сущности совершенно по-разному вели себя по отношению к несчастному Шреберу во время острой стадии его болезни.³⁰

В дни, предшествовавшие его болезни, президент Сената был подвержен сомнениям в вопросах религии; он никогда не был способен до конца поверить в существование личного Бога. Что интересно, он использует этот факт как доказательство реальности своих фантазий. Однако любому читателю нижеследующего описания черт характера шреберова Бога становится ясно, что трансформация, вызванная душевным расстройством не была фундаментальным превращением, и что в сегодняшнем Искупителе многое оставалось от вчерашнего скептика.

Ибо в Мировом порядке существует погрешность, в результате которой, по-видимому, существование Господа на-

ходится под некой угрозой. В связи с обстоятельствами, которые не представляется возможным объяснить подробнее, нервы живых людей, особенно людей в возбужденном состоянии, могут настолько сильно притягивать божественные нервы, что Он не может от них освободиться и таким образом Его собственное существование подвержено опасности. Эта исключительно редкая ситуация произошла в случае Шребера и стала причиной его величайших страданий. В Боге обострился инстинкт самосохранения, и тогда стало ясно, что Бог очень далек совершенства, приписываемого ему различными религиями. Вся книга Шребера проникнута горечью жалоб на Бога, который, привыкнув общаться лишь с мертвыми, не понимает живых людей.

«В этом отношении, однако, преобладает фундаментальное непонимание, которое постоянным рефреном прошло сквозь всю мою жизнь. Оно основано именно на том факте, что в соответствии с Мировым Порядком Бог действительно ничего не знал о живых людях и не имел нужды знать; по законам Мирового Порядка, ему лишь нужно было сообщаться с трупами». В свете вышесказанного..., по моему убеждению, следует еще раз подчеркнуть, что Бог был, если можно так выразиться, совершенно неспособен к общению с живыми людьми, и привык лишь общаться с трупами, или, по крайней мере, со спящими людьми (то есть, являясь им во сне)» — «Я сам готов воскликнуть: *«Incredibile scriptu!»* Однако все это совершенная правда, как бы ни трудно было для

остальных людей усвоить идею о полной неспособности Бога правильно судить живых людей, и сколь ни долго я сам привыкал к этой идее после моих длительных наблюдений в этой области».

Но раз Бог не понимает живых, значит Он Сам мог быть главой заговора против Щребера, мог считать его невменяемым и обрекать на все пройденные им мучения. Чтобы не быть сочным идиотом, он подверг себя чрезвычайно утомительной системе «мышления через силу». Ибо «каждый раз, когда моя интеллектуальная деятельность иссякала, Бог уверялся, что мои умственные способности исчерпали себя, и что уничтожение моего понимания (идиотия), на которое он так рассчитывал, наконец свершилось, и что теперь возможно удалиться».

Поведение Бога, при его нужде совершить дефекацию (или «пок – ть»), особенно сильно возмущает его. Данный абзац настолько характерен, что я приведу его полностью. Но для избежания неясности я сразу оговорюсь, что и чудеса, и голоса происходят от Бога, иначе говоря, от божественных лучей.

«Хотя это и приведет к упоминанию некоторых неприятных тем, я все же уделю еще несколько слов вопросу, который я только что процитировал («Почему ты не к – шь,?»), на том основании, что он хорошо характеризует всю ситуацию. Потребность к дефекации, как и все происходящее с моим телом, вызывается чудом. Эта потребность вызывает-

ся тем, что мои фекалии проталкиваются вперед (а иногда, наоборот, назад) по моему кишечнику; а если, из-за предшествовавшего акта дефекации достаточного количества этой субстанции там не оказывается, то все оставшееся содержимое моего кишечника, как бы мало его ни было, размазывается по моему анальному отверстию. Этот процесс является чудом, совершаемым верхним Богом, и оно повторяется по крайней мере десятки раз за день. Это связано с идеей, которая совершенно непонятна для людей, и свидетельствует лишь о полном незнании Богом живого человеческого организма. Согласно этой идее «ка – нье» является в определенном смысле законченным актом, иными словами, когда чудесно вызывается позыв ка – ть, цель уничтожить понимание оказывается достигнутой и окончательное удаление лучей становится возможным. Чтобы проникнуть к самому источнику этой идеи, мы должны предположить, что как мне кажется, существует некое недоразумение в связи с символическим значением акта дефекации, понятие, что, в сущности, всякий, кто находился в таких же как и я отношениях с божественными лучами, имеет в какой то степени право катать на весь мир.

«Но ниже следующее доказывает крайнее вероломство применяемой по отношению ко мне политики. Почти каждый раз, когда у меня чудесным образом возникал позыв к дефекации, кого-либо другого из окружающих меня посылали (путем соответствующего стимулирования его нервов) в

уборную, чтобы предотвратить мою дефекацию. Этот феномен я наблюдал годами и в настолько бесчисленных случаях, — в тысячах случаев — и с такой регулярностью, что предположения о случайных совпадениях безусловно отпадают. И поэтому возникает вопрос: «Почему ты не к — шь?» на который напрашивается замечательно простой ответ, что я «настолько глуп и так далее». Перо буквально не подымается, чтобы описать такой чудовищный абсурд, как Бог, ослепленный своим незнанием человеческой природы настолько, что он способен предположить, что существует человек слишком глупый для того, чтобы делать то, что умеет каждое животное — слишком глупый, чтобы ка — ть. Когда, в случае подобного позыва, мне удастся произвести дефекацию, — а обычно, т. к. практически всегда уборная оказывается занятой, я использую для этой цели ведро — процесс сопровождается нарастанием необычайно сильного чувства духовного сладострастия. Ибо облегчение от давления, оказываемого присутствием фекалий в кишечнике, порождает ощущение необычайного подъема в нервах сладострастия, и то же происходит при мочеиспускании. По этой причине, даже до сих пор, в то время как я отправляю свои естественные надобности, все лучи неизменно соединяются; по этой же самой причине, когда бы я не приступил к этим естественным актам, неизменно производится (пусть, как правило, и бесплодная) попытка чудесно остановить процесс дефекации или мочеиспускания.»

Более того, этот уникальный Бог Шребера не в состоянии научиться чему-либо даже на опыте: «Из-за той или иной постоянной особенности его натуры, Бог, по-видимому, не может извлекать уроков на будущее из таким образом полученного опыта». Стало быть, он может повторять вновь и вновь все те же мучительные испытания, и чудеса, и голоса, без изменения, год за годом, пока он неминуемо не становится посмешищем для жертвы своих преследований.

«В результате, т. к. теперь чудеса в огромной степени утратили свою былую способность наводить ужас, Бог кажется мне, помимо всего прочего, весьма забавным и ребячливым во всех его видимых мною проявлениях. Что касается моего собственного поведения, все это становится причиной того, что в целях самообороны мне часто приходится выступать по отношению к Богу в роли насмешника, а в некоторых случаях даже вслух насмехаться над ним.»

Но это критическое и мятежное отношение к Богу, тем не менее, часто сменяется у Шребера совершенно иным взглядом, многократно им выраженным:» Но здесь вновь я хочу особо подчеркнуть, что это всего лишь маленькие эпизоды, которые, я надеюсь, закончатся самое позднее после моей смерти, и что право насмехаться над Богом принадлежит только мне и никому кроме. Для них Он остается всемогущим творцом Неба и земли, первопричиной всего сущего, будущим спасением, перед которым нужно испытывать преклонение и глубочайшее благоговение (несмотря на то, что

некоторые из общепринятых религиозных убеждений следует пересмотреть).

Поэтому предпринимаются многочисленные попытки оправдать поведение Бога по отношению к пациенту. В этих попытках, отражающих столь же много ума, сколь и все другие теодицеи, объяснение основывается то на общей природе душ, то на необходимости самосохранения, стоящей перед Богом, то на порочном влиянии души Флехсига. Тем не менее, в общем, болезнь рассматривается как борьба между человеком Шребером и Богом, победа в которой остается за человеком, несмотря на всю его слабость, т. к. на его стороне Мировой Порядок.

Медицинский отчет может заставить нас предположить, что случай Шребера представляет собой обычную форму фантазии об Искупителе, при которой больной считает себя Сыном Божьим, судьба которого – спасти мир от его несчастий, от грядущего разрушения и так далее. Именно по этой причине я счел нужным обратить внимание на особенности шреберова отношения к Богу. О значении этого его отношения к Богу для всего остального человечества лишь изредка говорится в *Мемуарах*, и то только при описании последней стадии формирования его иллюзий. Оно заключается в общих чертах в том, что ни один умерший не может достигнуть блаженства пока большая часть божественных лучей поглощены им (Шребером) за счет его силы притяжения. Также, лишь только на очень поздней стадии ясно проявля-

ется отождествление себя с Иисусом Христом.

Бессмысленна любая попытка интерпретировать случай Шребера, не учитывая его особое представление о Боге, представляющее собою смесь преклонения и мятежности по отношению к Нему.

Теперь я обращусь к другому, тесно связанному с Богом предмету, а именно к состоянию блаженства. Шребер также называет его «загробной жизнью», до которой человеческая душа поднимается после смерти в процессе очищения. Он описывает ее как состояние непрерывного наслаждения, связанного с созерцанием Господа. Это не особо оригинально, но, с другой стороны, удивительно, что Шребер делает различие между мужским и женским состоянием блаженства. «Мужское состояние блаженства выше женского, которое, казалось, состояло исключительно в непрерывном чувстве сладострастия.» В других местах это совпадение состояния блаженства и сладострастия выражается более открыто и без ссылок на половые различия; и более того тот элемент блаженства, который заключается в созерцании Господа более не упоминается. Так, например: «Природа божественных нервов такова, что состояние блаженства сопровождается очень сильным ощущением сладострастия, хотя и не ограничивается только им.» И снова: «Сладострастие можно рассматривать как фрагмент состояния блаженства, заранее данный людям и другим живым существам.» Так что, состояние небесного наслаждения следует рассматривать как уси-

ленное продолжение земного чувственного наслаждения!

Это понимание состояния блаженства было отнюдь не являлось тем элементом фантазий Шребера, который возник на ранней стадии его болезни и позже исчез из-за несовместимости с остальными фантазиями. Даже в Описании Случая Болезни, составленном пациентом для Апелляционного Суда в июле 1901 г., он подчеркивает как одно из своих величайших открытий то, что «сладострастие находится в близком родстве (до сих пор незаметном для остального человечества) с состоянием блаженства, в котором пребывают души умерших».

Мы в самом деле обнаружим, что это «близкое родство» является тем камнем, на котором он основывает свои надежды на грядущее примирение с Богом и окончание своих страданий. Божественные лучи утрачивают свою враждебность как только они убеждаются, что будучи поглощены его телом, они будут испытывать духовное сладострастие; Сам Господь требует, чтобы Он мог находить в нем сладострастие и угрожает ему совсем убрать лучи, если он не захочет культивировать сладострастие и не сможет предложить Господу то, чего Он требует.

Удивительная сексуализация состояния высшего блаженства предполагает возможность, что шреберовская концепция этого состояния возникла из сближения двух основных значений немецкого слова «selig» – а именно «мертвый» и «испытывающий чувственное удовольствие». Но этот при-

мер сексуализации также предоставит нам случай исследовать общее отношение пациента к эротической стороне жизни и к вопросам сексуальных удовольствий. Ибо мы, психоаналитики, до сих пор поддерживали точку зрения, что корень любого нервного или умственного расстройства кроется в половой жизни пациента – некоторые из нас, исходя из исключительно эмпирических наблюдений, другие, находясь также под влиянием некоторых теоретических соображений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.